

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-1-147-164

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ П.Е. КАЗАНСКОГО: НЕОГРАНИЧЕННОСТЬ И САМООГРАНИЧЕННОСТЬ САМОДЕРЖАВИЯ

М.Б. Смолин, канд. истор. наук, проф. кафедры истории и философии Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

Статья посвящена концепции социологии власти профессора Императорского Новороссийского университета Петра Евгеньевича Казанского (1866–1947), изложенной в капитальном исследовании “Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права” (Одесса, 1913).

Исследование это было посвящено верховной власти, которая при любом политическом принципе существует всегда одна в государстве. Речь в исследовании идет о верховной государственной власти, о ее проявлениях в различных областях государственного управления в период думской монархии. Книга посвящена традиции русской государственной власти, выяснению ее исторического места в обществе и государстве и ее властной деятельности. Профессор П.Е. Казанский утверждает, что император обладал не только исполнительной, законодательной или судебной властью, но обладал верховной властью, которая руководила деятельностью всех подчиненных управлений.

Ключевые слова: верховная власть, государство, Российская империя, император, управление, самодержавие, реформирование, государственный строй, верховное управление, закон, социальный слой.

SOCIOLOGY OF POWER P.E. KAZANSKY: UNLIMITED AND SELF-LIMITATION OF AUTOCRASHY

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

The article is devoted to the concept of power of the professor of the Imperial Novorossiysk University Pyotr Evgenievich Kazansky (1866–1947), described in the capital study “The Power of the All-Russian Emperor. Essays on the Current Russian Law” (Odessa, 1913).

* **Смолин Михаил Борисович**, e-mail: fondiv@mail.ru

This study was devoted to the supreme power, which, under any political principle, always exists alone in the state. The study deals with the supreme state power, its manifestations in various areas of public administration during the Duma monarchy. The book is devoted to the tradition of Russian state power, the clarification of its historical place in society and the state and its power activities. Professor P.E. Kazansky claims that the emperor possessed not only executive, legislative or judicial power, but also the Supreme Power of the Empire, which directed the activities of all subordinate departments.

Key words: *supreme power, state, Russian empire, emperor, administration, autocracy, reformation, state system, supreme administration, law.*

Неограниченность — неотъемлемая социальная характеристика русского самодержавия. Понятие весьма сложное, фактически существовавшее, даже когда его пытались удалить из терминологии Основных законов. В новых Основных законах 1906 г. эта характеристика оставалась только в 222-й статье: “Царствующий Император, яко неограниченный Самодержец, во всяком противном случае имеет власть отрешать неповинуящегося от назначенных в сем законе прав и поступать с ним, яко преслушным воле Монаршей”.

Статья эта находилась в особой части Основных законов, в Учреждении об Императорской фамилии. Эта часть не подверглась изменениям при новой редакции, поэтому характеристика “неограниченный”, в этой статье и осталась.

Но от того, что предикат “неограниченный” был убран, суть и объем верховной власти Российской империи не изменился.

Как утверждал профессор П.Е. Казанский, “верховенство представляет положительное, а неограниченность — отрицательное выражение одного и того же правового установления”¹.

Собственно — неограниченность необходимое свойство любой власти, как демократической, так и аристократической и монархической. Если верховная власть становится юридически ограниченной чем-либо, она перестает быть верховной.

Поэтому свойство верховной власти, ее неограниченность, — предикат принципиально не отменяемый. Даже если юридически понятие неограниченности не употребляется в законодательстве, то фактически оно остается все равно за верховной властью, пока та не перестает реально ею быть.

К тому же надо сказать, что верховной властью становятся не вследствие какого-либо юридического акта, а в результате историче-

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 627.

ских событий, когда эта власть становится фактически величайшей силой в государстве и в обществе, с которой никто не спорит.

Понятие неограниченности власти — синоним ее свободного волеизъявления, свободы ее действия, в том числе и ее свободного самоограничения. Свобода власти важна не столько для самого монарха, сколько для управления государством. Чем более свободна верховная власть, тем она более эффективно может преодолевать те трудности, которые встают перед государственным управлением.

В Российской империи юридически ограничить власть императора теоретически было возможно, но никто фактически не смог бы поддерживать ее ограничение. Никакой представительный орган не смог бы иметь опору для такого ограничения. Только революция и фактическая революционная сила была способна изменить это положение дел. Но здесь речь шла уже не об ограничении, а о появлении новой верховной власти взамен императорской.

В реалиях же Российской империи царская власть не знала рядом с собой никакой равной или высшей власти. Никакая другая общественная власть не способна была положить пределы, ограничения для исторического самодержавия.

Сам профессор П.Е. Казанский так формулировал разницу в предикатах “верховенство” и “неограниченность”: если “верховенство понимается как власть, стоящая над правом и над подзаконным управлением, то неограниченность есть отрицание всяких возможностей, при которых эта власть могла бы оказаться ниже какой-либо другой или хотя бы на одной плоскости с какой-либо другой, а в результате этого и подправной. Неограниченность есть действительно только отрицательное выражение верховенства”².

Либеральные и левые правоведы часто определяли Российскую империю как не правовое государство, на том теоретическом основании, что императорская власть не была подчинена существующим законам. Утверждение странное, так как любая форма верховной власти сама формирует законодательную базу своей власти. При демократии власть народа не подчинена каким-либо неизменяемым законам, она столь же самодержавна и не ограничена, потому что является верховной властью. Именем народа в республиках творят законы, а не наоборот.

В реальности дела обстояли следующим образом: “Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издан-

² Казанский П.Е. Указ. соч. С. 640.

ных в установленном порядке”³ и “Обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые Советом Министров, министрами и главноуправляющими отдельными частями, а также другими, на то законом уполномоченными, установлениями, не должны противоречить законам”⁴.

Будучи фактическим могуществом, власть императора была явлением юридическим и социальным, проявляясь в определенных юридических формах, и действуя на основании законов. Точно так же и верховенство императорской власти было закономерно прописано в имперском законодательстве.

Консервативные государствоведы поясняли, что из “неограниченности самодержавной власти русского Государя, — как утверждал профессор А.В. Романович-Славатинский, — не следует, что Его власть — власть деспотическая: самодержавная монархия и деспотия — два различных типа государства. В самодержавной монархии на первом плане цели и потребности народа, достигаемые и удовлетворяемые при помощи самодержавия; в деспотии — цели и потребности правителя, достигаемые и удовлетворяемые при посредстве народа. В последней нет положительного закона выше воли деспота; в монархии самодержавной существуют законы, непреложные и священные для Самодержца. Законы эти — основы народной жизни, интересы русской земли, ее международная честь, гордость и достоинство... Эта правда — благо русского народа и русской земли, служение ее внутренним преуспеяниям, ее внешней чести и неприкосновенности — что всегда составляло знамя наших лучших Самодержцев и что сливается с личными интересами их и династии. В чем же заключается гарантия от произвола лица, облеченного верховной самодержавной властью? Произвол монарха, — ограничивается только Его совестью, тем, что называется страхом Божиим, силой вещей, логикой событий. Гарантия заключается в положении Самодержца, возвышенном над всеми сословиями и партиями, в совершенной общности Его интересов с государственной пользой и благом народным”⁵.

Источником права, регламентирующим различные социальные проявления императорской власти не может быть какая-нибудь высшая власть, так как выше верховной власти императора в Российской империи не было. Так же не было и какой-либо ей рав-

³ Основные законы. Ст. 84. URL: <https://histrf.ru/read/articles/1906-izdaniie-osnovnykh-ghosudarstviennykh-zakonov-rossiiskoi-impierii-event>

⁴ Там же. Ст. 122.

⁵ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. С. 78–79.

ной власти и никаких договоров заключенных между ними. Точно так же не существовало и каких-либо договоров власти и народа, или другой группы, ограничивающей власть императора. Поэтому всходя на престол своих отцов, всероссийский император не приносил никакой присяги или какой-либо формулы обещания, даже и в отношении исполнения Основных законов. Основным законам не присягало ни правительство, ни депутаты представительных учреждений, ни сами подданные. Собственно поэтому имперские Основные законы и не были ограничивающей власть монарха конституцией, которую он не мог бы поменять.

Таким образом, источником юридических норм верховной императорской власти в России было ее свободное самоопределение или столь же свободное самоограничение.

Императорская власть ограничивала себя не внешними ограничениями, а внутренним нравственным образом. Законы Российской империи имели лишь нравственное значение для верховной власти, которая соблюдала их, пока была убеждена в их полезности и целесообразности для Российской империи. С потерей же такого убеждения законы менялись, так как императорская власть была сама волевым творцом права, стояла выше его и выше подзаконного управления.

В новых Основных законах 1906 г. императорская власть, по мнению профессора П.Е. Казанского, «получила более полную и стройную регламентацию, а, следовательно, и явилась и более самоопределенной, и более самоограниченной, чем было раньше, но было бы ошибкой думать, что ничего подобного раньше не было... в общем все осталось так, как было и раньше. Поэтому можно только пожалеть, что из Основных Законов вычеркнут исторический предикат власти Русского Императора — “неограниченная”, чем многие были введены в искушение. Надо помнить, что и в наших старых законах он означал только самоограниченная, но никогда не означал деспотическая или произвольная. Выражение “самоограниченная власть” — то же самое, что выражение “неограниченная власть”, и в этом отношении нет никакого различия между старым строем России и строем обновленным. И теперь, как было прежде, нет органов, которые разделяли бы по собственному праву с Государем Императором Его Верховную Власть, нет и власти выше Царской или равной ей, нет и норм для Него внешне обязательных. И при обновленном строе Монарх остается единственным Носителем Верховной Власти, а значит, и неограниченным»⁶.

⁶ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 657, 658.

Несомненно, законодательная власть императора в Основных законах 1906 г. себя самоограничила совместным действием с представительными учреждениями, но там же прописана и статья 4, говорящая о том, что власть во всем объеме принадлежит императору. Верховная власть осталась за императором, который самоограничил себя в области законодательства, совместной деятельностью с Государственной Думой и Государственным Советом.

Мог ли император убрать из законодательства свое самоограничение? Вполне мог, так же как он 3 июня 1907 г. поменял избирательное право для представительных учреждений.

При всем при этом императорская власть носила правовой и социальный характер, так как любое его решение выливалось в законных формах, прописанных правом.

Собственно, любое правовое определение верховной власти есть ее самоограничение, разграничивающее формы ее проявления. Но такое разграничение вовсе не стесняет ее верховенства и право изменить существующий порядок согласно своей воли.

В области правообразования, если между императорской властью и представительными учреждениями не достигалось единства во мнениях, то верховная власть осуществляла свою волю через Высочайшие указы с помощью другого пути правообразования. А также имела полное право распустить Государственную Думу.

К тому же существовала статья 87, по которой “Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно”. Иными словами, была возможность принимать законодательные решения без Государственной Думы.

Собственно законодательные права народного представительства сами были основаны на тех законах, которые даровала императорская власть, а не на принципе суверенитета избирателей или самих палат. Основные законы 1906 г. ограничили понятие закона, оставив за представительными учреждениями возможность определять лишь содержание закона, но не законодательствовать.

Иначе говоря, представительные учреждения участвовали лишь в подчиненном законодательстве, в котором они действовали в единении с императором. Это был один из законодательных путей в Российской империи. Император же осуществлял верховное законодательство или учредительное законодательство.

Единение власти и народа как социальная свобода и нравственное самоограничение

Профессор П.Е. Казанский особо подчеркивает, что императорская власть была не только юридическим установлением, но историческим, жизненным фактом социальной жизни русского народа.

Будучи неограниченной юридически, императорская власть была безусловно ограничена физическими возможностями самого императора, а также исторической и социальной обстановкой, накладывающей ограничения даже на самых могущественных монархов.

Но кроме этого профессор П.Е. Казанский находит ограничения императорской власти в области духовно-психологической, “в национальных стремлениях русского народа и в его религиозно-нравственных идеалах”. “Было бы крупной ошибкой, — утверждал маститый государствовед, — если бы мы, увлекаясь юридическими формулами, просмотрели то, что главным основанием и двигателем жизни является не право, а национальное самосознание, религия и нравственность. Само право только постольку имеет значение, поскольку ему дает освящение нравственность. Право играет в жизни великую, но не всеобъемлющую роль, являясь национальным созданием народа. Одно и то же юридическое установление может иметь в действительности самое различное значение в зависимости от того содержания, которое вкладывают в него национальная жизнь и народная нравственность. Религиозные заповеди глубже проникают в психологию народа, чем внешне обязательные правила права”⁷.

По его мнению, в царствование императора Николая II была выдвинута на первый план важная идея — единение царя и народа. В высочайших манифестах и других верховных волеизъявлениях этой эпохи неоднократно об этом говорится: “Господь Вседержитель да ниспошлет благословение на Царственный труд Наш и да поможет Он Нам, при тесном единении всех сынов отечества, исполнить Наши помышления об усовершенствовании государственного порядка установлением прочного строя местной жизни как главного условия преуспеяния Державы Нашей на твердых основах веры, закона и власти”⁸.

⁷ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 685, 686.

⁸ Высочайший манифест 26 февраля 1903 года. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1903_02_26_01

“Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всей Русью, между Мной и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам”⁹.

“Государство Российское созидалось и крепло неразрывным единением Царя с народом и народа с Царем. Согласие и единение Царя и народа, великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, и является донныне залогом ее единства, независимости и целостности, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем”¹⁰.

Идея единения власти и народа была заложена в самих Основных законах 1906 г. Статья 7 говорила о единении в законодательном деле власти и народных представителей.

Эта старая русская идея, которая под пером различных писателей формулировалась по-разному.

Славянофилы, в лице И.С. Аксаков говорили о “союзе земли и государства”¹¹ предлагая возродить Земские соборы.

Великий писатель Ф.М. Достоевский писал, что ведущей национальной силой, является “живая связь народа с Царем своим”¹².

Эту точку зрения разделяли самые разные люди. Такой либеральный по своей сути юрист, как К.Д. Кавелин, утверждал, что единственной гарантией правильных действий власти является “искренняя любовь Государя к России, знание и правильное понимание Им дела и интересов династии, с целостью и сохранностью которой неразрывно связано правильное развитие государственной и народной жизни”¹³.

Классический консерватор, М.Н. Катков, настаивал, что великая сила, создавшая Россию, есть единодушная преданность престолу и чувство «“абсолютного” единства с Царем»¹⁴. Великий богослов XIX столетия, Святитель Филарет (Дроздов) провозглашал “Святость власти и союз любви между Государем и народом”.

⁹ Речь Государя Императора к депутации земских и городских деятелей 6 июня 1905 года. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html>

¹⁰ Высочайший манифест 6 августа 1905 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/>

¹¹ Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 5. С. 78.

¹² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881, январь // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 11. СПб., 1891. С. 504.

¹³ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1904. С. 942.

¹⁴ Катков М.Н. О Самодержавии и конституции. М., 1905. С. 47, 37–38.

Единение не мыслилось в ограничении власти Царя, а в религиозно-нравственном единстве ради общего блага государственного развития.

Профессор П.Е. Казанский видел подобное единение в нескольких аспектах: создании национальной правящей династии, установлении фактического общения царя и народа и в религиозном освящении царской власти Православной церковью.

Для монархических династий в России их внутренним личным стержнем была диктатура религиозной совести — идеала монархического властвования, составлявшего реальное самоограничение для юридически неограниченной царской власти.

Пресечение каждой династии в истории России ознаменовывалось величайшими социальными трагедиями, кровавыми смутами и революциями. Из государства русского при отсутствии царской власти как бы изымался главнейший орган нравственной правды и социальной справедливости, и все здание Русского мира рушилось на глазах.

Прекращение династии так же пагубно действует на единение власти и народа. Нация, теряя правящую династию, остается в ситуации смуты, борьбы всех против всех за власть и чувствует свое государственное сиротство.

Вековая связь, переходящая в родственность подчинения и властвования, при династии устанавливается глубже и сильнее. На каждого представителя династии народ распространяет свое отношение, выработанное еще его предками.

Связь между народом и властью в монархическом государстве всегда более глубока и значима, нежели в государстве республиканском. Естественная неподкупность и независимость наследственного монарха ставит его власть выше всех национальных, религиозных и прочих социальных противоречий государства, делая ее одинаково близкой для всех подданных.

Принцип династичности хорошо показывает, что монархическая форма властвования не делает абсолютной ставки на способности личности, как это делает диктатура, а напротив, опирается на силу самого политического идеала. Важнее, чтобы монарх был реальным, характерным представителем народного духа, чем интеллектуалом или гением, что является делом случая.

В монархической системе хорошо заметно психологическое воздействие места на лицо его занимающего. Даже не вполне готовое лицо, в силу ли личных способностей или малого возраста, самой царской “должностью” невольно становится выше самого себя. На-

прягает те стороны своих душевных и интеллектуальных сил, которые требуются для функционирования на этой службе.

Для наследственного монарха прошедшее, настоящее и будущее государства — это неразрывное целое, глубоко связанное с исторической работой его семьи, династическими планами и расчетами его предшественников. Династичность несет, прежде всего, стабильность для общества и способна олицетворять саму национальную историю. Поколения династии связаны с поколениями народа неразрывной исторической деятельностью на благо Отечества.

Даже если династия пресекается, то, как в 1613 г., нация стремится к продолжению монархии как бы через усыновление. При смене династии на другую после Смуты главной заботой людей, восстановивших монархию, было не столько кровное родство Романовых, сколько религиозно-нравственная преемственность новой династии старым Рюриковичам. В этом и есть глубочайший смысл династичности, непрерывности власти, когда новый государь из новой династии является лишь продолжателем и хранителем традиции властвования всех своих предшественников на протяжении многих столетий.

Для наследственной монархии религиозно-нравственная составляющая очень важна. В Российской империи православная вера была “первенствующей и господствующей”¹⁵. Исходя из этого, власть брала на себя некоторые религиозные самоограничения ради единства с русским народом: “Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной”¹⁶. А также и дополнительные религиозно-общественные обязанности: “Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния”¹⁷. В знак принятия на себя этих религиозно-нравственных обязанностей во время коронования император читал Символ православно-кафолической веры.

Династическая наследственность ставила монарха выше всех социальных и иных многообразий государства, выше партий и веяний времени. Он правил по факту своего рождения как наследник престола. Ему не нужно было превозноситься перед гражданами своими талантами, чтобы завоевать популярность. Монарх — носитель традиции, наследник власти целой династии. Приход его к

¹⁵ Основные законы. Ст. 62.

¹⁶ Там же. Ст. 63.

¹⁷ Там же. Ст. 64.

власти не мог затрагивать ничьего самолюбия, он исторически естественен, в силу легитимного престолонаследия.

Для всех социальных слоев, богатых, знатных, простых или бедных, монарх и его верховное положение не зависят от своекорыстия или пристрастности. Не принадлежа сам ни к какому сословию, монарх видит благо государства в общем социальном благополучии, в силу династического долга и простого династического расчета.

Династичность есть важнейшая часть монархической доктрины, которая устраняет не только элемент поиска законной власти, но и даже просто согласия или желания на власть. Факт рождения становится обязанностью по несению власти.

Династичность развивает не столько веру в способность той или иной личности властвовать, сколько веру в сам монархический идеал. Одновременно она настраивает монарха на продолжение дела своих царственных предков, а также и народ воспитывает в следовании традициям предыдущих поколений.

Не менее важный вопрос единения — каким образом установить фактическое общение между царем и народом. Этот вопрос обсуждался в русской политической литературе весьма основательно.

Как писал Л.А. Тихомиров, «Монархия состоит в единоличном выражении идеи всего национального целого, а чтобы это могло быть фактом, а не вывеской, необходимы известная организация и система учреждений»¹⁸.

Органами общения с национальными силами, должны быть не только представительные учреждения, но и вся государственная организация.

По Основным законам Российской империи единение царя и народа освящается и со стороны Православной церкви. В примечании к статье 58 мы читаем о том, что император после совершения священного обряда коронования и миропомазания, коленопреклоненно молится «да наставит Его, вразумит и управит в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет с Ним приседящая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроить к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, яко да и в день суда Его непостыдно воздаст Ему слово».

В монархической доктрине эти молитвенные слова почитаются «клятвенным обетом», который налагает на себя император в своем служении общему народному благу.

¹⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Ч. 4. Монархическая политика. М., 1905. С. IV.

Тот же смысл находим и в присяге наследника престола, когда он становится совершеннолетним и молитвенно просит наставить и вразумить его в “великом служении, мне предназначенном”.

«Отсюда истекает, — как утверждал поздний славянофил Д.А. Хомяков, — тот чисто нравственный (а потому “священный”) характер, который имеет в глазах русского народа Самодержавие... Царь, царствуя, почитается совершающим великий подвиг, подвиг самопожертвования для целого народа. Начало принуждения, неизбежное в государственном домостроительстве (хотя, конечно, не в нем одном заключается суть государственного союза), служащее в нем орудием осуществления высшего идеала, то есть сверхгосударственного, начало — неблагое и поэтому претящее непосредственно каждому отдельному человеку, составляющему народ, и особенно русский. Тот, кто берет на себя, на пользу общую подвиг орудования “мечом” и тем избавляет миллионы от необходимости к нему прикасаться, конечно, по идее (не всегда на деле) — подвижник, положивший душу свою за други свои: “больше же любви никто же иметь”. Поэтому Царь представляется народу выразителем начала любви к нему, любви по возможности абсолютной; а это, конечно, функция священная, и сам Царь священен, как проявитель этого священного начала. Власть, понятая как бремя, а не как “привилегия”, — краеугольная плита самодержавия христианского, просветленного и тем отличного от, так сказать, стихийного, восточного самодержавия. Священность власти как института вообще не имеет отношения к вопросу о значении самодержавия как такового. Но самодержавие священо, так сказать, из себя, и эта его священность, как идея, возможна лишь там, где все и каждый видят во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили “прелести” ее»¹⁹.

К этому надо присовокупить и присягу верноподданного при восшествии на престол очередного императора. Хотя профессор П.Е. Казанский и возражает против того, что именно в присяге народ признает императора своим правителем, но “тем не менее присяга для лиц верующих содержит в себе религиозное подтверждение гражданской обязанности подданного, для остальных она есть по меньшей мере торжественное обещание, которое должен свято хранить каждый. Религиозного и нравственного значения ее отрицать невозможно”²⁰.

Присяга на верность подданства является не только религиозной клятвой, но и выясняет обязанности верноподданного: верной

¹⁹ Хомяков Д.А. Самодержавие. (Опыт схематического построения этого понятия). М., 1903. С. 40, 41.

²⁰ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 716–717.

службы, повиновения, не щадя своей жизни, оберегание прав и преимуществ императора, споспешествование службе и пользе государственной, не допущения ущерба власти императора, охранение государственной тайны и не преступление против своей службы императору и против присяги.

Многими русскими консерваторами присяга считалась либо нравственным причастием власти государя (Л.А. Тихомиров), либо самой конституцией, политическими обязанностями русских граждан (М.Н. Катков).

Союз царя и народа скреплялся клятвенным обетом императора к пользе врученных ему людей, присягой самих верноподданных и священным коронованием и миропомазанием императора. Последний церковный обряд по-особому подчеркивает единение царя со своей землей и со своим народом.

“Основания обряда священного коронования и миропомазания, как толкует наша Православная Церковь, заключаются в следующем: 1) чтобы перед лицом всего народа показать, что Государь — помазанник Божий, что власть его — божественного происхождения, а самая особа его священна и неприкосновенна; 2) что ранг его — единственный в государстве, превыше и превосходнее всех других, что символически явствует из императорских регалий, в которые он облачается, — трона, короны, порфиры, скипетра и державы, и Царских регалий — Мономаховой шапки и барм, — которые лежат перед ним; 3) чтобы Государю призвать как на себя, так и на народ свой милость Божию; 4) чтобы таинством коронования запечатлеть союз Монарха с народом; 5) чтобы укрепиться молитвой в важном и трудном деле управления государством”²¹.

Законодательство Российской империи особо подчеркивало религиозно-нравственный статус императора: “Особа Государя Императора священна и неприкосновенна”²².

Священное значение царской власти хорошо понималось многими консервативными авторами. Так, старший сын знаменитого основателя славянофильства Д.А. Хомяков писал, что верховная власть императора освящается «самим ее призванием — носительницы народной тяготы: “Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов”. Носитель же общей тяготы не сугубо ли исполняет этот закон и этим святится?»²³.

О священном историческом значении власти русских царей в том же духе говорил и известный писатель В.В. Розанов: «Как в

²¹ Романович-Славатинский А.В. Указ. соч. С. 124.

²² Основные законы. Ст. 5.

²³ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 33–34.

истории народа, бытие которого не ограничивается этнографическим существованием, есть, несомненно, провиденциальный характер — этот провиденциальный характер имеет и власть Монарха, концентрирующая в себе смысл истории. Отсюда взгляд на него как на “помазанника Божия”, представление о власти его как о “милости, от Бога полученной”. И весь народ “помазан” к истории Богом; он — есть, продолжается, совершает деяния, а не остается в грязи неведения, молчания, забвения вовсе не бедными дарами своими, не сцеплением внешних обстоятельств, но Тем, Кто распределяет дары, сцепляет их с обстоятельствами»²⁴.

При таком взгляде на верховную власть для нее обязательны предписания христианской нравственности, которые религиозно ограничивают юридически неограниченное самодержавие. Этический монархизм ставит превыше всего нравственный идеал правды в государственной жизни. И этим идеалом ограничивает проявления своей верховной власти. Царская прерогатива действия по совести ставит правду выше закона и для монархии это неустрашимая форма деятельности. Без нее монархия не существует, как верховная власть, как диктатура совести.

«Императорская Власть, — настаивал профессор П.Е. Казанский, — является главным моральным центром народа. Около нее отлагается целый мир нравственно-политических идей и чувствований: почитания, граничащего с обожествлением (“Бог на небе, Царь на земле”), долга, готового на самопожертвование, на жертву жизнью (“лягу за царя, за Русь”), любви, равной любви к отцу (“Царь-батюшка”). Около него постоянно на страже душа народная с ее лучшими надеждами на будущее, с уверенностью в настоящем. В Царе то духовное начало, которое объединяет весь народ, поддерживает моральное равновесие в нации.

Только единоличная Верховная Власть может иметь подобное нравственное обаяние... Словом, Императорская Власть — одно из величайших установлений русской народной нравственности. Русский народ не знает на земле ничего более высокого и святого, как власть Царя. Она для него воплощение возможной для людей справедливости, неиссякаемый источник добра... В этом мистическая сторона Царской Власти. Царь — последнее прибежище для несчастного, последняя надежда для несправедливо угнетаемого»²⁵.

Столь высокий идеал властвования заточен на задачу вести всех к исполнению долга, следованию общей правде. В своих действи-

²⁴ Розанов В.В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. С. 48–49.

²⁵ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 736.

ях верховная власть сама становится органом этой правды, судьей социальных столкновений и примирителем сторон на основании высшей справедливости.

Монарху нет надобности стремиться к личному богатству, все потребности его и его семьи и так, безусловно, обеспечены. Всероссийский император в то же время является и русским царем. Он может посвятить себя высшему служению Родине, без всякой корысти, преследуя в своей политике интересы своего народа, с которым он связан и религиозно, и национально.

Как выразителю духа нации “Монарху, как человеку, — как утверждал Л.А. Тихомиров, — невозможно быть одновременно православным, католиком, протестантом, магометанином, буддистом, русским, поляком, татариним и т. д., чтобы выражать дух различных своих народов. Чтобы в таком разнородном государстве возможна была монархия, необходимо преобладание какой-либо одной нации, способной давать тон общей государственной жизни и дух которой мог бы выражаться в Верховной Власти.

Само по себе существование племенных особенностей не только не вредит единству государства, а даже служит полезным источником разнообразия национального и государственного творчества. Но необходимо, чтобы при этом была некоторая общая сила, сдерживающая племенные и вообще партикуляристские тенденции. К такой роли преобладающая нация должна быть, конечно, способна по своим свойствам”²⁶.

Подчинение воли монарха вовсе не есть рабское начало. Легитимность монархической власти зиждется на глубоком народном чувстве, что монарх есть представитель внутреннего содержания самой нации, что его воля проистекает из единого национального источника понимания, что потребно для самого народа в его земном существовании.

“Монарх, — писал профессор П.Е. Казанский, — есть живой символ государства, личная конкретизация, воплощение государства Русского не в силу постановлений русского права, а в силу исторической связи Царя с народом. Ввиду того же, что Он является представителем государства, право возлагает на него разные функции, обыкновенно, по существу своему верховные и нередко правом подробно регламентированные... Монарх есть больше, чем физическое лицо. Он есть Величество, то Великое целое, которое в Нем воплощается. В этом смысле Монарх считается единственным действительным представителем всего народа”²⁷.

²⁶ Тихомиров Л.А. Указ. соч. Вып. IV. С. 291–292.

²⁷ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 752.

В этом смысле император является хранителем русского государства и одновременно воплощением этого государства, а также и активным самосознанием народа, воплощенным в одном лице.

Как утверждал Н.Я. Данилевский, «Нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что русский народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубоко вкоренному народному пониманию, сосредоточенный в его Государе, который, вследствие этого, есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля Его сообщаются всему народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном самосознательном существе. Вот смысл и значение русского самодержавия, которое нельзя поэтому считать формой правления в обыкновенном, придаваемом слову “форма” смысле, по которому она есть нечто внешнее, могущее быть измененным без изменения сущности предмета, могущее быть обделанным, как шар, куб или пирамида, смотря по внешней надобности, соответственно внешней цели. Оно, конечно, также форма, но только форма органическая, то есть такая, которая не разделима от сущности того, что она в себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности. Такова форма всякого органического существа, от растения до человека. Посему и изменена или, в настоящем случае, ограничена такая форма быть не может. Это невозможно даже для самой самодержавной воли, которая, по существу своему, то есть по присущему народу политическому идеалу, никакому внешнему ограничению не подлежит, а есть воля свободная, то есть самоопределяющаяся»²⁸.

Царская власть многими консервативными мыслителями воспринималась как институт охранения души народа. Институт, исторически прошедший вместе с нацией все перипетии побед и поражений, славы и бесчестия, в котором он строил настоящее, исходя из прошлого и имея ввиду будущее своего народа.

Таким образом, социологическое учение профессора П.Е. Казанского о единении власти и народа выводилось из способности сочетать социальную свободу с исторически сложившейся неограниченностью и нравственной самоограниченностью самодержавия.

²⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1889. Издание 4. С. 501–502.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков И.С. Сочинения. М., 1886. Т. 5.
Высочайший манифест 26 февраля 1903 года. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1903_02_26_01
Высочайший манифест 6 августа 1905 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/>
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1889. Изд. 4.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1881, январь // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 11. СПб., 1891.
Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1904.
Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913.
Катков М.Н. О Самодержавии и конституции. М., 1905.
Основные законы 1906 года. URL: <https://histrf.ru/read/articles/1906-izdaniie-osnovnykh-ghosudarstviennykh-zakonov-rossiiskoi-impierii-event>
Речь Государя Императора к депутации земских и городских деятелей 6 июня 1905 года. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html>
Розанов В.В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.
Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905.
Хомяков Д.А. Самодержавие. (Опыт схематического построения этого понятия). М., 1903.

REFERENCES

- Aksakov I.S. Sochineniya. M., 1886. T. 5 (in Russian).
Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. SPb., 1889. Izd. 4 (in Russian).
Dostoevskij F.M. Dnevnik pisatelya. 1881, yanvar' [Diary of a writer. 1881, January] // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij. T. 11. SPb., 1891 (in Russian).
Homyakov D.A. Samoderzhavie. (Opyt skhematiceskogo postroeniya etogo ponyatiya) [Autocracy. (The experience of the schematic construction of this concept)]. M., 1903 (in Russian).
Kavelin K.D. Sobranie sochinenij [Collected Works]. T. II. SPb., 1904 (in Russian).
Katkov M.N. O Samoderzhavii i konstitucii [On Autocracy and the Constitution]. M., 1905 (in Russian).
Kazanskij P.E. Vlast' Vserossijskogo Imperatora. Ocherki dejstvuyushchego russkogo prava [The Power of the All-Russian Emperor. Essays on current Russian law]. Odessa, 1913 (in Russian).
Osnovnye zakony 1906 goda [The basic laws of 1906]. URL: <https://histrf.ru/read/articles/1906-izdaniie-osnovnykh-ghosudarstviennykh-zakonov-rossiiskoi-impierii-event> (in Russian).

Rech' Gosudarya Imperatora k deputacii zemskih i gorodskih deyatelej 6 iyunya 1905 goda [The speech of the Sovereign Emperor to the deputation of zemstvo and city leaders on June 6, 1905]. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html> (in Russian).

Romanovich-Slavatinskij A.V. Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii, sravnitel'no s gosudarstvennym pravom Zapadnoj Evropy [The system of Russian state law in its historical and dogmatic development, compared with the state law of Western Europe]. Kiev, 1886 (in Russian).

Rozanov V.V. O podrazumevaemom smysle nashej monarhii [On the implied meaning of our monarchy]. SPb., 1912 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. M., 1905 (in Russian).

Vysochajshij manifest 26 fevralya 1903 goda [The Supreme Manifesto on February 26, 1903]. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1903_02_26_01 (in Russian).

Vysochajshij manifest 6 avgusta 1905 goda [The Supreme Manifesto on August 6, 1905]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3081/> (in Russian).